

Мария Заболотская

Илирия

RUGRAM

УДК 82-31
ББК 84(2Рос-Рус)
3-12

Заболотская М.

3-12 Иллирия / М. Заболотская. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2023. — 268 с.

ISBN 978-5-521-90921-6

История про грустную одинокую женщину и господина Синюю Бороду, за которого ей предстоит выйти замуж. Про Чудовище, которому предстоит стать не прекрасным принцем, но человеком. Про выбор из двух зол, про самопожертвование, умение принять и умение отпустить. Мир, в котором живут герои, не слишком добр к слабым людям, в нем нет магии и волшебных существ — одни лишь интриги и жажда власти над древним городом понтификов. Но даже среди зла и бесконечных предательств может зародиться любовь, которая спутает все карты участникам жестоких игр...

BIC FA
BISAC FIC000000

© Мария Заболотская, текст, 2022
© Марина Пестина, Людмила Пестина,
художественное оформление, 2022
© Ольга Кандела, леттеринг, 2022
© RUGRAM, 2023
© Т8 Издательские технологии, 2023

ISBN 978-5-521-90921-6

Глава 1

Должна признаться, я возненавидела Иллирию сразу же, как только увидела в розоватых лучах рассвета ее мощенные светлым камнем улицы. Иллирия была большим городом — куда больше тех, что я знавала до сих пор, и утренняя прозрачность воздуха, в которой нежились древние платаны и орехи, не смогла обмануть меня. У каждого города есть свой ритм жизни, чувствующийся даже тихим ранним утром. Легкие порывы ветра, несущего запах моря, были подобны дыханию спящего ребенка; в тот момент, когда Иллирия предстала перед моим взором — более усталым, нежели удивленным — город и правда спал, готовясь к беспокойному жаркому дню.

Поездка, подходившая к завершению, очень утомила меня — я вела домоседский образ жизни, не имея другого выбора, и до той поры никогда не совершала столь дальних переездов. Путешествие выдалось неспешным, отчасти по моей вине: я плохо держалась в седле, ведь собственной верховой лошади у меня никогда не имелось, поэтому пришлось трястись в повозке. Перед моими глазами проплывали поля и рощицы, подернутые голубой дымкой, серебрились речушки и озерца в плодородных долинах — но ничто из этого не радовало мой взгляд. То было самое начало осени — днем меня донимал зной, а ночью — излишняя прохлада. Спутники не проявляли внимания к моим затруднениям, а я взяла с собой совсем немного вещей... ужасное, ужасное путешествие, первое в моей жизни!..

Что я могу рассказать о себе — молодой женщине, ранним осенним утром смотрящей из повозки на великий город Иллирию?.. Мое имя было Гоэдиль, исполнилось мне в ту пору двадцать шесть полных лет, и некоторое время назад я стала вдовой, на долю которой остался лишь траур — серые простые одежды. Мой муж, Лесс Кападиа, погиб от руки неизвестного злодея, будучи совсем молодым. Он служил капитаном ночной стражи в городке Вента, где я и прожила всю свою спокойную обычную жизнь, ни разу не покинув его пределов. Детей у нас не имелось, хотя мы были женаты четыре года, и после его смерти я не находила ровным счетом никаких причин, чтобы жить далее.

До замужества я находилась на попечении тетушки Ило, старшей сестры моей покойной матери. Положение наше в обществе Венты являлось живым свидетельством того, как благоговеют перед уроженцами столицы провинциалы. Мой отец, господин Гако Эттани, являлся представителем иллирийской знати, и, несмотря на то, что его женитьба на моей матушке имела ряд предосудительных черт, часть уважения, испытываемого вентийцами к фамилии Эттани, перешла и на нас, его недостойных родственников.

История этого сомнительного брака восходила ко временам великой победы нашего королевства над своим северным соседом — княжеством Ангари. Для укрепления связей с новой областью, жители которой отличались несговорчивым, гордым и диковым характером, многие молодые господа, отличившиеся во время войны храбростью, взяли в жены родовитых ангариек, которым надлежало сделать вид, что они не помнят, кто повинен в смерти их братьев, отцов и прочих кузенов.

Моя мать, Данар, была настолько несчастна в браке, что даже Гако Эттани, не отличавшийся тонкостью натуры и вниманием к чувствам других людей, а уж тем более — женщин, — почел за лучшее не везти ее в Иллирию, а оставил в Венте, провинциальном городке в трех днях езды от столицы, где по такому случаю он приобрел небольшой домик. И даже разрешил, чтобы с нею вместе проживала старшая сестра Ило. Впрочем, это не помогло Данар — спустя год после моего рождения она тяжело заболела и умерла, в беспамятстве улыбаясь и прося наконец-то отпустить

ее домой. Тетушка Ило, пытаясь донести до меня всю глубину страданий моей свободолюбивой гордой матери, рассказывала, что даже мое рождение не смогло вернуть ей желания жить. Данар настолько измучила себя, бросаясь на прутья невидимой клетки, что не замечала своего ребенка. В детстве мне было горько от этих слов, теперь же, после того, как я потеряла мужа, и мир мой опустел, я поняла мать. Даже детский смех не смог бы исцелить рану в моей душе, появившуюся в тот миг, когда я увидела бледное мертвое лицо Лесса и поняла, что больше никогда не услышу его голос. Брак превратил жизнь матушки в тюрьму, сбежать из которой можно было только одним способом. Мое замужество, напротив, подарило мне целый мир, полный счастья и любви, но итог был все тот же: жизнь стала узилищем, где нет надежды на то, что на твое лицо падет когда-нибудь луч солнца.

...Лесс Кападиа женился на мне вопреки воле своих родственников, считавших меня недостаточно юной и недостаточно красивой — не говоря уж о их недовольстве негромкими пересудами, сопровождавшими мое имя с тех пор, как Гако Эттани не приехал на похороны своей жены, тем самым продемонстрировав Венте свое отменно равнодушное отношение к этой части своей жизни.

Все четыре года, что мы с Лессом прожили вместе, были единственным солнечным днем моей жизни, вопреки злым взглядам. Иногда я не верила, что достойна такого счастья, и неясное предчувствие беды терзало меня, заставляя внезапно хватать Лесса за руку и сжимать ее, точно проверяя, реален ли он. Он в такие мгновения смотрел на меня удивленно и ласково, и говорил, отвечая на мои невысказанные страхи: «Не бойся, Годэ, я тебя не оставлю!».

Увы, несмотря на то, что Лесс всегда держал свое слово, судьба посмеялась над нашим маленьким счастьем и нанесла свой безжалостный удар, после которого мне так и не удалось больше вдохнуть воздух полной грудью. Семья Лесса всегда не любила меня: его мать в лицо мне сказала, что это моя дурная кровь навлекла на их дом проклятье. После этого мне ничего не оставалось, как вернуться обратно в крошечный дом тетушки Ило. Даже траур, который я носила, был словно украден у честных людей.

Тетушка, так и не вышедшая замуж, коротала свой век в окружении невероятного количества цветов, которые она разводила

в саду внутреннего двора. Увы, даже их яркие лепестки казались мне хлопьями пепла. Я всегда ясно видела свою жизнь, не умея скрашивать ее мечтами и тщетными ожиданиями перемен к лучшему, поэтому не надеялась, что когда-то обрету смысл существования в выведении нового сорта роз. Вскоре после своего возвращения я сказала тетушке Ило, что собираюсь в недалеком будущем постричься в монахини.

— Не говори глупостей, Годэ! — тетушка воинственно скрестила руки на груди. — Ты еще не стара, здорова и никогда не была прилежна в вопросах веры, уж мне ли не знать. Сейчас тебе кажется, что жизнь твоя кончена, но любая боль рано или поздно затихает...

— Тетушка Ило! — перебила я ее, пытаюсь выдержать суровый пронзительный взгляд старшей родственницы. — Посудите сами: хоть я и не стара, но уже и не молода. То, что я вышла замуж в двадцать два года, уже можно считать чудом, в двадцать шесть я уж подавно никому не нужна. Добро бы я была почтенной вдовой!.. Но меня вышвырнули из дома мужа весьма бесславным образом и вычеркнули из семейной истории тот факт, что я когда-то носила фамилию Кападиа. Я опозорена. Я бездетна. Даже позарившись на фамилию Эттани, на мне не женится добропорядочный пожилой вдовец среднего достатка, ведь все в Венте знают, что я за четыре года замужества так и не сподобилась понести. Несколько лет ожидания — слишком большой риск для господина преклонных годов. К дьяволу добропорядочность, немного от нее проку в моем положении, — но из меня не получится ни содержанка, ни куртизанка! Я не особенно хороша собою и совершенно не умею поддерживать разговоры, не говоря уже о том, чтобы быть душою разгульных компаний...

Тетушка невольно кивала головой в такт моей речи, признавая здравость моих рассуждений. Потом все же не выдержала, замахала руками и заставила меня умолкнуть.

— Не возводи напраслину на свою внешность, Годэ. Это не столь редкое благословение небес — выглядеть как воплощение целомудренности, но и эту карту можно разыграть как следует. Шумиха с Кападиа забудется, через пять лет тебе можно будет смело пытаться счастья с вполне приличными мужчинами — особенно

с теми, у которых выводок дочек на выданье и за каждой нужен глаз да глаз. Да, вряд ли тебе повезет второй раз так же, как с этим Лессом, да будет земля ему пухом, но мужчины вообще редко жёнятся на своих ровесницах, и это верный подход, что бы там ни казалось молодым дурехам! Святые небеса — что это за жизнь с одним и тем же человеком до гробовой доски? А так и мужчина успевает покуражиться вволю, пока придет ему время жениться, и у женщины есть шанс отведать другой кухни, оставаясь при этом в рамках приличий. Я знавала дам, которые трижды становились вдовами и, соответственно, перед тем трижды выходили замуж. Никто им вослед пальцем не тычет, а попробуй-ка проверни такое, не становясь вдовой!..

Я почувствовала, что мне не хватает воздуха и присела на скамеечку. Тетушка, поняв, что слишком увлеклась, заохала, подала мне воды с имбирем, и жалобно спросила:

— Но почему же монастырь?.. Ты можешь жить здесь, как и раньше, помогать мне с цветами — ведь при храме будешь точно так же огородничать или мыть полы...

— Я слышала, что в монастырях холодно, и очень многие монахини умирают в первый же год, от пневмонии, — сказала я, пытаявшись придать себе хладнокровный и решительный вид.

Тетушка всплеснула руками и пробурчала:

— Чего и следовало ожидать.

Более со мной она разговаривать не захотела, и по ее виду я поняла, что Ило намерена мне помешать. Но мне и в голову не могло прийти, до чего додумалась эта старая интриганка, иначе я бы поторопилась. Пришлось признать, что до предприимчивости тетушки мне было далеко — не прошло и недели со времени нашего спора, как в доме появился неожиданный гость.

Я не встречалась с ним раньше, поэтому не узнала в полном невысоком господине своего отца, господина Гако Эттани. Когда он представился, с неприязнью на меня посмотрев, я вздрогнула и отшатнулась. Раньше мне казалось, что господин Эттани является чем-то вроде семейной легенды — он не бывал в Венте с того самого дня, как оставил здесь мою беременную полубезумную мать. Раз в пару месяцев у дверей тетушки появлялся слуга, который передавал небольшой кошелек. Денег, что содержались

в нем, хватало для скромной жизни, другой мы с тетушкой и не знавали. Теперь же я наконец осознала, что Эттани и в самом деле богат — одежда его была пошита из лучшего бархата, на шее сверкала толстая золотая цепь, пальцы унизаны кольцами, а от величественного взгляда хотелось немедленно пасть на колени. Тетушка, в отличие от меня, ничуть не смутилась и тут же перешла в наступление:

— Господин Эттани, я никогда ранее не просила, и уж тем более не требовала, чтобы вы принимали какое-либо участие в судьбе Годэ! — сказала она, даже не подумав тратить время на подходящие ситуации вежливые расспросы о погоде и здоровье родственников. — Я знаю, что вы женились во второй раз сразу же после смерти Данар, и не могу вас за это осуждать, хотя видит бог, как я до сих пор сожалею о горькой судьбе моей бедной сестры, так и не узнавшей счастья на чужбине. У вас есть семья, для которой Гоэдиль — чужой человек, и я бы не стала нарушать ваш семейный покой, если бы в том не возникла острая нужда. Годэ собралась в монастырь. Причем собралась туда для того, чтобы быстрее отдать богу душу. И единственный человек, который может ей это запретить — это вы, господин Гако.

Гако Эттани, которого я даже мысленно не могла назвать отцом, во время всей этой речи не явил на лице ни одного признака каких-либо чувств, из чего можно было сделать вывод, что ему решительно наплевать на то, что я намереваюсь делать со своей жизнью, вне всякого сомнения, никчемной с его точки зрения. Тетушка, впрочем, будучи женщиной неглупой, тоже это заметила и, недолго посокрушавшись над моей вдовьей судьбой, закончила свою речь так:

— Догадываюсь, что вам безразлична судьба вашей дочери, но она не безразлична мне. Поэтому я в лепешку расшибусь, но заставлю вас вмешаться. Дьявол меня подери, если я не подам в суд жалобу на то, что вы отреклись от своей законной дочери и не устраиваете ее судьбу, что недостойно человека благородного сословия!

Тут выражение лица Гако стало кислым, и я поняла, что столь неприятная огласка истории с первым браком для господина Эттани нежелательна. Тетушка загнала его в угол. Точно так же она